

ПРОЦЕСС АНТИСОВЕТСКОГО „ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА“

Допрос подсудимого Чернова

(ОКОНЧАНИЕ)

Когда я перешел на работу паркомом, наши встречи были посвящены тому, чтобы разработать подробную программу вредительской и диверсионной работы в области сельского хозяйства по основным, основным вопросам. Эта программа, разработанная на основе требований немецкой разведки, заключалась в себе вредительской: по семенам, по севообороту, по машинно-тракторным станциям, по животноводству. Причем особенным условием немецкой разведки, ставила организацию вредительства в области животноводства с тем, чтобы, как Райндх говорил, не дать лошадей для Красной Армии.

Что касается МТС, то здесь была поставлена задача выводить из строя трактора, комбайны, сельскохозяйственные машины, выжечь финансовое хозяйство МТС, для чего сажал в поле МТС людей, воров, прогнивших и прежде всего членов нашей правой организации.

В части животноводства были поставлены задачи: вырезать племенных производителей, добывать больше падежа скота, не давать развиваться кормовой базе, особенно использовать для падежа скота искусственное заражение скота разлагаемого рода бактериями.

Вышинский. Скажите подробно о падеже скота, откуда получали бактерии, какие и т. д.

Чернов. Мною были проведены следующие диверсионные акты. Для того, чтобы добиться падежа скота в Восточной Сибири, я предложил начальнику ветеринарного управления Липову, участнику организации правых, а через него начальнику ветеринарии, также участнику организации правых, не заводить противоязвенные биопрепараты в Восточную Сибирь, зная о том, что в Восточной Сибири очень опасно по части сибирской язвы. Препараты эти туда завезены не были. Подготовку эти велась в 1935 году и, когда весной 1936 года там вспыхнула сибирская язва, то оказалось, что действительно препараты туда завезены не были и тем самым было потоплено (я точно не могу сказать) во всяком случае больше 25 тысяч лошадей.

Второе. Я поручил Липову и заведующему бактериологическим отделом Бюро по производству искусственного заражения в Ленинградской области свиней рожей, а в Воронежской и Азово-Черноморском крае — тугой.

О этой цели были выделены, по моему предположению, три фабрики: Кашицевская, Орловская и Отавпольская. Там были изготовлены биопрепараты с несомненными бактериями под особыми номерами серии. Номера этих серий были сообщены Болгарину, который сообщил их на места тем начальникам ветеринарии, на которых можно было положиться в этом случае. А они в свою очередь передали их в районы тем ветеринарным врачам, которые были антисоветскими шатрами и в случае большого падежа скота не стали бы поднимать большого шума.

Таким образом эти биопрепараты были завезены и искусственная прививка была произведена в этих трех областях. Нужно считать, что благодаря этому диверсионному акту было потоплено несколько десятков тысяч свиней.

Вышинский. Еще один вопрос по части связей с немецкой разведкой. Вы получили какие-нибудь деньги от разведки?

Чернов. Я в Берлине получил 2000 марок...

Вышинский. А всего сколько?

Чернов. Примерно около 30 тысяч немецких марок и около 150 тысяч советских рублей. Значительная часть этих денег была использована на мои личные нужды, а некоторая часть для подкупа членов правой организации, которых я считал нужным подкупить.

Вышинский. Расскажите о ваших дальнейших связях с Рыковым?

Чернов. Кроме тех встреч с Рыковым, о которых я рассказывал, я имел следующую встречу с ним в декабре 1930 года. Был я вызван им самим, встреча происходила у него на квартире.

Настроение было такое, что мне нужно было в ближайшее время противопоставить вооруженные, которые могут при выдвигавшем руководстве со стороны правой организации перейти к захвату власти в стране.

Тут же от Рыкова я получил и указание об организации вредительской работы.

Следующий раз я встретился тоже по приглашению Рыкова с ним, кажется, в октябре, но во всяком случае осенью 1932 года. Эта встреча происходила в тот момент, когда в деревне произошло резкое изменение. Колхозное движение окрепло, кулачество было разгромлено, в деревне уже начала реально ощущать результаты индустриализации страны. Хотя Рыков внешне и старался казаться спокойным человеком, но видно было, что он опешивал от успехов тех политических прогнозов, которые он до этого делал. И он в беседе со мной оставил вопрос таким образом, что нам нужно еще дальше уйти в подполье и ориентироваться в деле захвата власти на совершенные «дворцовые перевороты». Как он говорил,

мы должны путем «дворцового переворота», т. е. ареста и убийства руководителей партии и правительства, захватить власть в стране.

Вышинский. Следующая встреча с Рыковым когда была?

Чернов. Следующая встреча была в 1934 году, через несколько месяцев после назначения меня наркокомом Союза. Происходила она по вызову Рыкова у него на даче. Здесь Рыков поставил передо мной задачу, сводившуюся к тому, что я должен организовать свою работу так, чтобы добиваться подрыва колхозного строя, а для этого вести руководство колхозами так, чтобы не было заинтересованности у колхозников в колхозном производстве. А для этого вести колхозное хозяйство так, чтобы колхозники, как он говорил, получали проигрыш за трудом.

Следующая и последняя моя встреча с Рыковым состоялась в конце 1935 года, — я точно не помню, — или в начале 1936 года. Это было в первый, когда происходили известные крестьянские восстания руководителей партии и членов правительства с передовыми сельскими хозяйствами. При этой встрече указание Рыкова сводилось к следующему. Он говорил, что мы, дескать, не можем не учитывать того роста и укрепления колхозов, которые имеются в стране, и того роста новых колхозных кадров, которые из этих восстаний вылезли. Но это, дескать, оплошность не означает, что у нас нет сил в деревне, которые мы могли бы организовать. И в качестве этих сил указывал кулацкие элементы в лице возвращенцев из спецлагерей и антисоветских-националистических элементов из старой сельской интеллигенции: агрономов, врачей, зоотехников и т. д. Эти, дескать, силы мы должны всячески мобилизовать и использовать для нашего дела. И особо подчеркивал, что для возможности захвата власти правых в стране имеются только два выхода: это насильственное устранение руководителей партии и правительства, то есть их аресты или убийство или то другое вышло.

И особенно он упирал на необходимость поражения Советского Союза в войне с капиталистическими странами в случае нападения последних на нас. И в этом свете особо указывал на мою задачу организации вредительской и диверсионной работы, говоря, что раз нам необходимо поражение Советского Союза для завоевания власти в стране, то мы это поражение должны ускорить, а раз ускорить мы самое наступление войны путем уменьшения экономической и оборонной мощи Советского Союза.

Вышинский. Ваши встречи с Рыковым, по вашим словам, носили характер получения указаний и инструкций со стороны Рыкова в отношении вашей преступной деятельности. Так это?

Чернов. Так.

Вышинский. Подсудимый Рыков, так же, как Чернов, у вас соучастником было много?

Рыков. Это была моя ошибка, но я его в очень крупном соучастником не признаю. Он по дороге на рестораны на вокзал успел поспать в полицейском вагоне.

Вышинский. Вот, скажем, скамья подсудимых, здесь немало ваших соучастников, Чернов один из них?

Рыков. Да.

Вышинский. А у вас, подсудимый Чернов, таких руководителей, как Рыков, было много?

Чернов. Кроме Рыкова и немецкой разведки — никого.

Вышинский. Подсудимый Иванов, рассказав, при каких обстоятельствах, когда вы вступили в подпольную контрреволюционную организацию?

Иванов. Первое мое предположение началось в 1911 году, когда я был учеником тульской гимназии, в 8 классе. Царской охранке удалось меня завербовать в качестве своего агента.

Вышинский. С какими именно учреждениями вы были связаны как охранник, в каком городе?

Иванов. С жандармским охранником в городе Туле.

Вышинский. В Туле вы с кем были персонально связаны?

Иванов. С ротмистром Мамышкиным.

Вышинский. Вы получали вознаграждение за свою работу?

Иванов. Получал вознаграждение и в Москве и в Туле.

Вышинский. Затем вы приезжаете в Москву, поступаете в московский университет в 1912 году?

Иванов. Да.

Вышинский. В 1913 году вы в Москве ведете активную работу в охранке?

Иванов. Да.

Вышинский. С кем вы связываетесь?

Иванов. С ротмистром Грязновым и полковником Волковым.

Вышинский. В чем вылагалась ваша провокатерская работа?

Иванов. Я информировал о революционном движении в студенческих организациях, информировал об отдельных товарищах, которые вели революционную работу.

Вышинский. Сколько времени вы состояли агентом московской охранки?

Иванов. С 1913 года по конец 1916 года.

Вышинский. Какое же вознаграждение вы получали?

Иванов. В тульской охранке получал сначала 15, потом 20 рублей.

Вышинский. А в московской охранке?

Иванов. Получал сначала 30, 40 рублей, затем доход до 60—75 рублей. В процессе улучшения качества моей работы моя ставка поднималась.

Вышинский. Когда вы проникли в большевистскую партию?

Иванов. В 1915 году.

Вышинский. При каких обстоятельствах? По личному побуждению?

Иванов. Было указание от подполковника Колосова о том, чтобы я вступил в большевистскую партию.

Вышинский. Значит, вы вступили в партию по указанию подполковника Колосова?

Иванов. Да.

Вышинский. В каких целях?

Иванов. В целях возможно более глубокого овладения деятельностью большевистской организации.

Вышинский. С провокатерскими целями?

Иванов. Да, с провокатерскими целями.

Вышинский. Скажите, пожалуйста, вы имели связь с группой «левых» коммунистов?

Иванов. Да.

Вышинский. А кто вас вывел в эту группу?

Иванов. Здесь никто меня не привлекал по сути дела, потому что самое мое предположение в том, что я могу быть разоблачен при советской власти, меня толкали и гнали в эти ярыги. И я, как ворон, летящий по западу на падающую звезду, вошел в враждебные группы,

которые боролись с советской властью, потому что я рассчитывал, что тогда при реставрации власти буржуазии я не буду разоблачен.

Вышинский. Когда вы примкнули к «левым» коммунистам?

Иванов. В конце 1917 или в начале 1918 года.

Вышинский. Значит, вы примкнули к этой группе как враг, который рассчитывал, что с этой группой вам удастся свалить советскую власть?

Иванов. У «левых» коммунистов и пахидея то, что мне было нужно как врагу советской власти и рабочего класса.

Вышинский. Вы тогда с Бухариным были связаны?

Иванов. Мы были на нескольких совещаниях. Потом Бухарин однажды поставил передо мной вопрос о том, что в знак протеста против партии и против Ленина нужно выйти из коммунистической партии и организовать свою партию. Расчет был на то, что это может привести к распаду коммунистической партии и победе «левых» коммунистов. Я работал тогда партийным организатором в Басманном районе. Мне не удалось получить поддержку в партийной массе по линии «левых» коммунистов. Массы шла целиком на Ленина. Мне было ясно, что вся работа «левых» коммунистов обречена на провал, на банкротство.

Потом я встретился с Бухариным на X съезде партии, где у нас с Бухариным был следующий разговор. Он поставил вопрос о том, что у меня, мол, с Лениным расхождение по моральным вопросам; я сейчас занят подготовкой своих кадров, которые готовы были бы по первому моему слову, Бухарин, зову выступить против Ленина. Это, по-моему, было предвещание к созданию «школа» Бухарина.

Вышинский. Как Бухарин рассчитывал выступить против Ленина? В каких формах он готовил выступление?

Иванов. Он был довольно резко настроен. Он просто ждал подходящего момента. Он хотел иметь свои кадры.

Вышинский. Для чего?

Иванов. Для того, чтобы устроить Ленина.

Вышинский. Как устроить?

Иванов. Вплоть до физических методов.

Вышинский. А вы говорили о «школе». Хорошая «школа»!

Иванов. Она известна в партии как «школа» «левых» коммунистов.

Вышинский. А в действительности это не «школа», а банда, которую создал Бухарин. Продолжайте свои объяснения.

Иванов. Интересен был разговор с Бухариным в 1926 году. Он прямо говорил, что нужно готовиться к борьбе в открытую бою с партией. В 1928 году я еду на Северном Кавказе вторым секретарем. Тут Бухарин ставит вопрос о том, чтобы я на Северном Кавказе создал группу правых. Причем, он говорит о том, что Северный Кавказ в нашей борьбе с партией и советской властью имеет очень большое значение. Мы, говорит, должны возглавить соответствующее крестьянское движение, особенно казачество, движение против советской власти. Нашей задачей является Северный Кавказ превратить в русскую Банду.

Вышинский. Практически, что вам предлагал Бухарин?

Иванов. Практически Бухарин предлагал создать группу правых. Я ее создал. Он предложил связаться с враждебными элементами. Мы связались с казачеством

и все подготовили для того, чтобы обеспечить кулацкое восстание на Северном Кавказе.

Вышинский. Ставился ли тогда вопрос Бухариным, Рыковым о захвате власти?

Иванов. О захвате власти до 1931 года ставился вопрос.

Вышинский. И как в этой связи было дано конкретное задание организовать повстанческие отряды на Северном Кавказе?

Иванов. Да, организовать повстанческие отряды на Северном Кавказе и потом в Северном крае.

Вышинский. В частности валу в Северном крае, какое вы получили задание от Бухарина?

Иванов. Бухарин дал задание — создать правых организаций приходить к подготовке поражения советской власти при интервенции, при войне с капиталистическими фашистскими государствами.

Вышинский. А какие указания давал Бухарин насчет шпионажа?

Иванов. Он сказал о том, что Лобов специально организует это дело и он должен меня информировать о том, как это дело будет осуществляться.

Он сказал: «Вы должны резиденту, который будет там посажен, своей партийной организацией оказывать всемерную помощь с тем, чтобы обслуживать потребности английской разведки».

Вышинский. А вы выполняли эти наставления?

Иванов. Выполнял, обслуживал, направлял материалы, получал указания через этого резидента. Причем, эти указания, получаемые от английской разведки, целиком совпадали с теми директивами, которые я получал от центра правых.

Вышинский. Целиком совпадали? Так, что вы никогда не различали, где действует центр правых, а где иностранная разведка?

Иванов. Да. Здесь было полное совпадение.

Вышинский. Теперь перейдите к вопросу о террористической деятельности и террористических планах.

Иванов. Переход нашей организацией в Северном крае была поставлена задача создать террористическую группу.

Вышинский. Как была поставлена эта задача?

Иванов. Бухариным, Бухариным несколько раз к этому делу возвращался, в частности после убийства Кирова. Он говорил о том, что выстрел в Кирова показал, что единичные террористические акты результатов не дают, что нужно готовить массовые террористические акты, и только тогда мы получим результат. Его установка была на то, чтобы ликвидировать руководство партии.

Вышинский. Что вы имели еще показать о вашей вредительской деятельности?

Иванов. Мы собирали повстанческие группы, главным образом, вокруг Архангельска с тем, чтобы в момент интервенции разорвать связь Архангельска с центральными магистралью нашей страны и тем самым облегчить англичанам захват этого лесного района и важнейшего порта. Главное внимание в моей вредительской работе было направлено на срыв технической переоборудования лесозаготовок, на срыв капитального строительства, особенно целлюлозно-бумажной промышленности, с тем, чтобы держать страну на голодном бумажном пае и этим самым ударить по культурной революции, сорвать снабжение страны тетралином и этим вызвать недовольство в широких массах.

Отвечая на вопрос тов. Вышинского, подсудимый Иванов говорит о своей

последней встрече с Бухариным в начале 1937 года:

— Никогда я Бухарина не видел таким яростным и злобным, как тогда. Он на меня набросился, что — вы трус, вы шпана, вы мне все тычете — смыслы, массам не нужно потакать, а вы должны знать, что организация правых против нас будет вести войну. А вы хотите им потакать.

Вышинский. Он хотел вести войну против нас?

Иванов. Да. И дальше, он поставил вопрос таким образом, что если есть отходы, то нужно пойти на более развратные пути по уничтожению тех, кто решит открыто расправиться перед советской властью и этим самым может разоблачить нашу правую организацию.

Вышинский. В 1928 г. Иванов поехал на Северный Кавказ и вы ему дали поручение заниматься организацией нелегальной группы правых. Правильно?

Бухарин. Правильно.

Вышинский. Именно нелегальной?

Бухарин. Нелегальной.

Вышинский. Это вы подтверждаете. Вы поручили ему также выполнять ряд ваших заданий в связи с этой организацией в период 1928 года. Речь шла не только относительно вербовки, а также относительно организации повстанческих отрядов?

Бухарин. Я в технику этого дела не входил.

Вышинский. Я не говорю о технике организации повстанческих отрядов, а говорю о платформе правых, в которой была установка на повстанчество. Когда вы поручили Иванову создать нелегальную организацию, тогда был у вас разговор относительно повстанческих отрядов?

Бухарин. В это время не был и не мог быть.

Вышинский. А чем должны были заниматься нелегальные организации?

Бухарин. Нелегальные организации должны были заниматься собиранием сил для борьбы против партии.

Вышинский. Как Бухарин давал контрреволюционные задания Иванову еще в 1928 году, т. е. Вышинский выдает ряд заданий Бухарину и Иванову.

Вышинский. Подсудимый Бухарин, говорили вы Иванову, что перед ним стоит задача, поставленная центром правых, — организация повстанческого движения?

Бухарин. Он мог так сказать.

Вышинский. Обвиняемый Иванов, вы так и понимали?

Иванов. Директива была передана мне довольно ясно для того, чтобы понять ее в простой смысл. Ставился вопрос о том, что кулачество злобное. Это та социальная сила, на которую мы должны ориентироваться. Наша задача состояла в том, чтобы возмущать восстание.

Вышинский. Бухарин, вы это подтверждаете?

Бухарин. Это правильно, но не по отношению к Иванову. Я говорил это другому лицу. Я этого Иванова не мог говорить, потому что в 1932 году Иванов не было на Северном Кавказе.

Вышинский. Вы когда уехали с Северного Кавказа?

Иванов. С Северного Кавказа я уехал 2 или 1 апреля 1931 года.

Вышинский. Когда вы говорили, будучи на Северном Кавказе, с Бухариным?

Иванов. В 1928 году.

Вышинский. А в 1932 году были разговоры о повстанчестве?

Иванов. Да, были такие разговоры.

Вышинский. Позвольте подвести итог. Судя по показаниям Иванова и вашим (обращаясь к Бухарину), можно считать твердо установленным, во-первых, что вы с Ивановым вели разговоры относительно организации повстанчества. Так это?

Бухарин. Так.

Вышинский. Что вы ориентировали Иванова на необходимость использования в интересах борьбы с советской властью кулацких восстаний?

Бухарин. Да.

Вышинский. Иванов показывает, что ему от вас стало известно о существовании блока между троцкистами, правыми группировками и националистическими группами. Вы это подтверждаете?

Бухарин. Это я подтверждаю.

Вышинский. А знали вы о переговорах Иванова с другими с капиталистическими странами?

Бухарин. Да, это относится к гораздо более позднему времени. Я пояснил Иванова во внешне-политическую ориентацию правого центра, я говорил ему относительно того, что в борьбе против советской власти можно использовать военную конъюнктуру и целый ряд других вещей.

Вышинский. Иначе говоря, ориентировать на помощь иностранных государств?

Бухарин. Да, можно и так сказать.

Вышинский. Иначе говоря, ориентировать на поражение СССР?

Бухарин. В общем, суммарно, поэтому — да.

УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 3 МАРТА

Допрос подсудимого Иванова

ДНЕВНИК ВЕЧЕРНЕГО ЗАСЕДАНИЯ 3 МАРТА

После перерыва прокурор тов. Вышинский допрашивает подсудимого Раковского о троцкистской деятельности подсудимого Крестинского.

Говоря о показаниях Крестинского, сделанных накануне, Раковский называет их «несоответствующими действительности». Он заявляет, что Крестинский был и остался активным троцкистом. Раковский остается активным троцкистом, Раковский Крестинским в 1927 году Троцкому. Накануне Крестинский ссылался на то, что при обыске у него была обнаружена копия этого письма, в котором он заявил о своем отходе от троцкизма. Показаниями Раковского устанавливается, что речь идет о письме, опубликованном в советской печати. Раковский заявляет, что это письмо было диверсионным. Беседа с Троцким немедленно после опубликования этого письма, Раковский сказал ему, что письмо предназначено исключительно для того, чтобы служить в качестве «сабины». Раковский говорит о своих беседах с Крестинским в 1927 году, в частности, о беседе, состоявшейся в Берлине при участии Каменева, и отмечает, что в момент составления этого письма Крестинский на деле оставался троцкистом. Крестинский оставался троцкистом и после 1927 года; в подтверждение этого Раковский указывает на личное письмо, полученное им от Крестинского в 1929 году.

Оправившая Крестинского по существу показаний Раковского, прокурор предъявляет ему существенные доказательства: копия письма Крестинского к Троцкому от 27 ноября 1927 года, текст письма Крестинского в редакцию газеты «Экономическая жизнь» от 22 марта 1928 г. Крестинский вынужден признать подлинность предъявленных ему документов, а также правильность показаний подсудимого Раковского.

— Если это правильно, — говорит тов. Вышинский, — продолжаете ли вы обвинять суд и отрицать правильность данных вами на предварительном следствии показаний?

Крестинский заявляет, что теперь он подтверждает свои показания на предварительном следствии.

Суд переходит к допросу подсудимого Рыкова.

Рыков признает показания о своей подрывной деятельности в отношении 1928 года. Он говорит, что по его директивам ряд правых законспирировал тогда свои принадлежности к правой оппозиции. Одним из этой группы был Ягода, являвшийся тогда заместителем председателя ОГПУ.

— Было ли у вас с Ягодой соглашение о том, что он будет оберегать ваши кадры? — спрашивает тов. Вышинский.

Рыков отвечает на этот вопрос утвердительно. Подсудимый Ягода, опрошенный прокурором, также подтверждает этот факт прямой замены.

Рыков показывает, что у контрреволюционной организации правых был свой центр в лице Рыкова, Бухарина, Томского. Этот центр давал указания об организации кулацких повстанческих выступлений, в частности на Северном Кавказе и в Сибири. Для организации таких выступлений на Северном Кавказе был специально командирован один из ближайших соучастников Бухарина Сметнов. На вопрос государственного обвинителя Бухарин подтверждает, что он давал директивы об организации кулацких восстаний.

Далее Рыков показывает о преступлении контрреволюционной организации правых по части террора. Центр правых давал директивы о терроре, создавал террористические организации. Рыков лично выполнял слежку за правительственными машинами. Правые через Бухарина и сеера Семенова привлекли к организации террористических актов еврейскую террористическую группу. С одобрения центра правых Семенов готовил покушения на товарищей Сталина и Кагановича.

Это признает и опрошенный прокурором Бухарин.

После перерыва продолжается допрос подсудимого Рыкова. Он признает, что в 1933—34 году контрреволюция стремилась к объединению своих сил. Был создан центр с участием троцкистов и вишневец в составе Каменева, Пятакова, Енукидзе, куда затем вошли Рыков, Бухарин, Томский.

Далее, отвечая на вопросы прокурора СССР тов. Вышинского, подсудимый Рыков показывает, что представлял собой «справно-троцкистский блок». В состав «блока» входили троцкисты, правые и националисты, евреи, меньшевики, буржуазно-националистические группы в национальных республиках.

Затем тов. Вышинский детально выясняет вопрос о пораженческой линии «справно-троцкистского блока». По словам Рыкова, Бухарин формулировал эту линию так: открытие фронта для интервентов. Бухарин пытается это отрицать. Однако в результате перекрестного допроса вынужден сознаться в пораженчестве.

После ряда вопросов председательствующего товарища Ульяна подсудимому Рыкову, объявляется перерыв до утра четвертого марта.